

УЛЬЯНА
Соболева

Книга 1

БЕШЕНЫЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Моя в чужую долю

Ульяна Соболева

Бешеный. Моя в уплату долга

<https://litres.ru/73746449>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть секунда перед катастрофой, когда мир ещё цел. Когда ты стоишь на краю пропасти, но ещё не падаешь. Когда сердце уже знает, что сейчас всё рухнет, но мозг отказывается верить.

Это была моя секунда.

Пятница, шесть вечера, октябрьский дождь за окном такси. Я возвращалась домой после сдачи экзамена по хирургии пятёрка, как обычно. В наушниках играл какой-то попсовый трек, в телефоне ждало сообщение от Лизки: Сегодня бар? Отметим твою пятёрку!

Я улыбалась. Строила планы. Думала о выходных.

Не знала, что рай заканчивается именно так без предупреждения, между одним вдохом и другим.

Содержание

БЕШЕНЫЙ	4
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	32
Глава 4	53
Конец ознакомительного фрагмента.	71

**Ульяна Соболева
Бешеный. Моя
в уплату долга**

БЕШЕНЫЙ

Ульяна Соболева

Глава 1

Есть секунда перед катастрофой, когда мир ещё цел. Когда ты стоишь на краю пропасти, но ещё не падаешь. Когда сердце уже знает, что сейчас всё рухнет, но мозг отказывается верить.

Это была моя секунда.

Пятница, шесть вечера, октябрьский дождь за окном такси. Я возвращалась домой после сдачи экзамена по хирургии – пятёрка, как обычно. В наушниках играл какой-то попсовый трек, в телефоне ждало сообщение от Лизки: «Сегодня бар? Отметим твою пятёрку!»

Я улыбалась. Строила планы. Думала о выходных.

Не знала, что рай заканчивается именно так – без предупреждения, между одним вдохом и другим.

Ворота особняка открыты настежь. Странно. Папа всегда следил за безопасностью – кодовый замок, камеры, охрана. Сердце дёрнулось. Что-то не так. Но я гоню мысли прочь. Наверное, забыл закрыть. Или охранник вышел покурить.

Оплачиваю таксисту, выхожу под дождь. Капли бьют по лицу, холодные, почти ледяные. Октябрь в Москве – это когда лето уже умерло, но зима ещё не пришла. Межсезонье. Ничья земля между теплом и холодом.

Как между жизнью и смертью.

Поднимаюсь по ступенькам крыльца. Дверь приоткрыта. Сердце колотится уже сильнее, тревога ползёт по позвоночнику вверх, растекается по затылку.

– Папа? – кричу в тишину дома. – Ты дома?

Никто не отвечает.

Тишина – такая плотная, что давит на барабанные перепонки. В доме всегда были звуки: музыка из папиного кабинета, шаги прислуги, лай собаки соседей за забором. А сейчас – ничего. Мёртвая тишина.

Захожу внутрь. Холл пуст. Мраморный пол идеально чист, люстра горит – всё как обычно. Но воздух какой-то неправильный. Тяжёлый. Как перед грозой.

– Папа! – громче. – Где ты?!

Сбрасываю мокрую куртку на пол, иду вглубь дома. Гостиная пуста. Кухня пуста. Руки дрожат – не понимаю почему. Инстинкт. Древний, животный инстинкт кричит: «БЕГИ! УЙДИ ОТСЮДА!»

Но я не убегаю. Поднимаюсь по лестнице на второй этаж. Каждая ступенька скрипит – никогда раньше не замечала. В ушах звенит. Дыхание сбивается.

Кабинет папы в конце коридора. Дверь закрыта.

Подхожу. Рука на ручке. Холодная. Всё во мне кричит: «Не открывай! Не надо! Уйди!»

Но я открываю. И мир разлетается на осколки. Я вижу только ноги... Опрокинутый стул под ногами. Поднимаю голову...

Первая мысль – идиотская: «Это не он. Ошибка. Это не мой папа».

Вторая: «Это сон. Кошмар. Сейчас проснусь».

Третья мысль не приходит. Вообще. В голове – вакуум.

Падаю на колени. Не помню как. Просто вдруг оказываюсь на полу, руки скребут по паркету, из горла вырывается звук – не крик, не плач, что-то среднее. Животное. Первобытное. Боль. Чистая, выжигающая, непереносимая боль.

– Папа... – шепчу. – Папа, пожалуйста...

Он не отвечает. Мёртвые не отвечают.

Сколько я сижу на полу – не знаю. Минута? Час? Время размазалось, потеряло смысл. Есть только папа, мёртвый папа, и я, живая, но уже не та, что была пять минут назад.

Потому что за пять минут человек может потерять всё.

Наконец встаю. Ноги не держат. Шатаюсь к столу. Там лежит конверт. Мне имя на нём – дрожащим почерком, еле различимым.

«Настенька».

Последний раз он назвал меня так.

Открываю дрожащими руками. Внутри – письмо. Два листа, исписанные торопливо, кое-где чернила размазаны – слёзы? Мои или его?

Читаю.

«Настенька, моя девочка. Прости меня. Прости за всё.

Я проиграл. Бизнес рухнул. Долги задавили. Я пытался спасти фирму, взял кредит у частных лиц. Очень частных.

Очень опасных.

Рустам Гериев. Запомни это имя. Он дал мне сто миллионов рублей под залог. Залогом была ты. Я подписал договор. Думал, что успею вернуть. Не успел.

Теперь он придёт за своим. За тобой.

Прости меня, дочка. Я слабак. Трус. Не смог защитить тебя. Не смог даже умереть достойно.

Беги. Исчезни. Уезжай из Москвы, из России. Он найдёт тебя везде, но хотя бы попытайся.

Прощай, моя принцесса. Я любил тебя больше жизни. И меньше, чем деньги.

Папа».

Письмо выпадает из рук. Медленно планирует на пол.

В ушах звенит. Не звенит – ревёт. Ураган внутри черепа.

Он заложил меня. Как вещь. Как имущество. Подписал договор.

Мой папа. Которого я любила. Который называл меня принцессой. Который покупал мне платья и учил кататься на велосипеде.

Продал.

Не за серебряники. За сто миллионов. Но суть не меняется.

Ярость накрывает волной. Такой силы, что дыхание перехватывает.

– ЗАЧЕМ?! – кричу я мёртвому телу. – ЗАЧЕМ, ПАПА?!
КАК ТЫ МОГ?!

Хватаю первое что попадает под руку – хрустальную пепельницу со стола. Швыряю в стену. Та разбивается вдребезги. Хватаю книги – швыряю. Статуэтки – швыряю. Рву бумаги, опрокидываю стул, бью по столу кулаками пока не появляется кровь на костяшках.

– Я НЕНАВИЖУ ТЕБЯ! – ору. – НЕНАВИЖУ!

Но это ложь. Не ненавижу. Люблю. До сих пор. И это самое страшное.

Потому что любить мёртвого предателя – это как любить собственную казнь.

Падаю обратно на пол. Обнимаю колени. Раскачиваюсь. Из глаз текут слёзы – горячие, солёные, бесполезные.

Есть поговорка: «Что не убивает, делает сильнее». Вранье. Полнейшее вранье. То, что не убивает, просто оставляет тебя искалеченной. Живой, но уже не целой.

Не знаю сколько прошло времени. Темнеет за окном. Дождь усиливается. Барабанит по стеклу, как пулемётная очередь.

Надо что-то делать. Вызвать полицию. Скорую. Похоронное бюро. Что угодно.

Достаю телефон. Руки всё ещё трясутся. Набираю 112.

Гудки.

Поднимают трубку:

– Экстренные службы, слушаю.

Открываю рот. Не могу выдать ни звука.

– Алло? – голос оператора. – Вы меня слышите?

– Мой... – хрипло. – Мой отец... он...

Слова застревают в горле. Не могу. Не могу произнести это вслух. Потому что сказать – значит сделать реальным. А я не хочу. Хочу чтобы это был кошмар.

– Что с вашим отцом? – настойчиво оператор.

– Он мёртв, – выдыхаю наконец. – Повесился.

Тишина на том конце. Потом:

– Адрес?

Диктую. Механически. Голос звучит чужим. Отстранённым. Как будто не мой.

– Выезжаем. Не трогайте ничего. Оставайтесь на месте.

Сбрасываю звонок. Телефон выскальзывает из рук. Падает на пол. Экран трескается.

Хорошо. Пусть. Всё равно всё разбито.

Сажу и жду. Полиция. Скорая. Вопросы. Протоколы. Реальность врывается грязной лавиной, и я не могу остановить её.

Внизу хлопает дверь. Шаги. Тяжёлые. Мужские.

Полиция уже? Быстро.

Но что-то не так. Инстинкт снова кричит. Эти шаги – не полицейские. Слишком уверенные. Слишком властные.

Встаю. Шатаюсь. Выхожу из кабинета. Стою наверху лестницы.

Внизу, в холле – трое мужчин. Чёрные костюмы, дорогие, идеально сидящие. Двое – громилы, типичные охранники. Широкие, с лицами из камня.

Третий – в центре. Высокий. Очень высокий. Больше метра девяноста. Широкие плечи, узкие бёдра, атлетичная фигура. Чёрные волосы коротко острижены. Лицо – резкие черты, высокие скулы, квадратная челюсть. Шрам через левую щеку, белый, старый.

Глаза тёмные. Почти чёрные. Холодные. Мёртвые.

Хищник.

Он поднимает голову. Смотрит на меня. Наши взгляды встречаются.

Время останавливается.

Я знаю кто это. Знаю без слов. Без представления.

Рустам Гериев.

Пришёл за своим.

– Анастасия Лебедева? – голос низкий, хриплый, с лёгким кавказским акцентом.

Киваю. Не могу говорить. Горло сдавлено ужасом.

Он поднимается по лестнице. Медленно. Не спешит. Зачем? Я никуда не убегу. Мы оба это знаем.

Останавливается в двух шагах от меня. Близо. Слишком близко. Возвышается надо мной. Я хрупкая, сто шестьдесят пять сантиметров против его почти двух метров. Чувствую себя мышью перед волком.

– Твой папочка задолжал мне сто миллионов рублей, – говорит спокойно. Деловито. Как будто обсуждаем погоду. – Он расплатился жизнью. Но этого недостаточно.

Протягивает руку. Берёт мой подбородок. Пальцы силь-

ные, безжалостные. Поднимает моё лицо, заставляет смотреть в глаза.

– Теперь ты моя.

Три слова. Всего три. А мир переворачивается снова.

– Я не... не понимаю... – лепечу. Голос дрожит. Хочу показаться сильной, но не получается.

Он усмехается. Холодно. Без капли юмора.

– Поймёшь. У тебя будет много времени понять.

Отпускает мой подбородок. Шагает мимо меня, в кабинет. Я стою как вкопанная. Слышу как он осматривает труп папы. Шаги. Шорох бумаг.

Возвращается с письмом в руке. Моим письмом. Читает. Кивает.

– Всё правильно написал. Умный мужик. Жаль что слабак.

– Не смей! – вырывается у меня. – Не смей так говорить о нём!

Рустам смотрит на меня. Долго. Оценивающе. Потом кивает одному из громил.

– Собери её вещи. Самое необходимое.

– Что?! – я отступаю. – Нет! Я никуда не пойду!

– Пойдёшь.

– Я позвоню в полицию!

Он смеётся. Звук жуткий. Металлический. Без радости.

– Звони. К подполковнику Семёнову? Передавай привет. Он у меня на зарплате. Или к прокурору Иванову? Тоже мой

человек. – Наклоняется ближе. Его лицо в сантиметрах от моего. Запах дорогого одеколona и чего-то ещё. Опасности. – Добро пожаловать в реальный мир, принцесса.

Шатаюсь назад. Спиной упираюсь в стену. Некуда бежать.

– Я... у меня нет денег чтобы вернуть долг, – шепчу. –

Ничего нет. Папа всё потерял.

– Знаю. – Рустам выпрямляется. – Именно поэтому ты и есть долг. Ты – залог. Твой папочка подписал договор. Всё по закону. – Усмехается. – По моему закону.

Достаёт из кармана сложенные листы. Протягивает мне.

Беру дрожащими руками. Разворачиваю. Читаю.

Договор займа. Сто миллионов рублей. Срок возврата – три месяца. В случае невозможности возврата долга в качестве залога передаётся...

Внизу подпись. Дрожащая. Но узнаваемая.

Папина подпись.

Рву бумагу пополам. Потом ещё. И ещё. Ключки падают на пол как снег.

– У меня десять копий, – равнодушно Рустам. – Можешь рвать хоть весь день.

Опускаюсь на пол. Обхватываю голову руками. Раскачиваюсь.

Это не может быть правдой. НЕ МОЖЕТ.

Но это правда. Самая настоящая, грязная, жестокая правда.

Папа продал меня. Подписал. Поставил печать. Сделал

меня вещью.

А теперь пришли забирать товар.

– Вставай, – приказывает Рустам.

Не встаю. Не могу. Ноги ватные.

Он вздыхает. Наклоняется. Подхватывает меня под локоть. Поднимает без усилий. Я лёгкая для него. Пятьдесят два килограмма – ничто против его силы.

– Собирай вещи. Десять минут.

– А если нет?

– Мои люди соберут за тебя. Но им плевать что брать. Могут прихватить лишнего. Или забыть важное.

Смотрю на него. Ищу в этом лице хоть каплю человечности. Хоть проблеск жалости.

Ничего. Пустота. Холодная, мёртвая пустота.

– У меня нет выбора? – шепчу.

– У тебя никогда не было выбора, – отвечает он. – С того момента как твой папаша поставил подпись.

Иду в свою комнату. Механически. Одна нога перед другой.

Достаю сумку. Бросаю внутрь первое что попадается: джинсы, свитера, нижнее бельё. Косметичку. Телефон. Документы.

Смотрю на комнату. Мою комнату. Розовые обои, которые мама выбирала когда мне было десять. Фотографии на стене – я и папа, я и мама (уже мёртвая, восемь лет как), я и подруги.

Вся моя жизнь здесь. Двадцать три года.

И вот так – за десять минут – она заканчивается.

Есть такая штука – жизнь до и после. До катастрофы и после. До трагедии и после. Ты никогда не знаешь в какой момент это «до» закончится. Просто живёшь. А потом – раз – и всё. Ты уже в «после». И назад дороги нет.

Моё «до» закончилось час назад. Когда открыла дверь кабинета.

А сейчас – «после». Новая реальность. Страшная. Непонятная. Но неизбежная.

Застёгиваю сумку. Последний раз оглядываюсь на комнату.

Прощай, детство. Прощай, беззаботность. Прощай, счастье.

Прощай, Настя-принцесса.

Здравствуй, Настя-собственность.

Выхожу в коридор. Рустам ждёт у лестницы. Смотрит на часы. Дорогие. Золотые.

– Девять минут. Молодец. Умеешь слушаться.

Не отвечаю. Иду мимо него вниз.

Громилы уже у выхода. Один держит дверь. Другой – мою сумку. Когда успели забрать?

Выхожу на крыльцо. Дождь всё ещё идёт. У бордюра – три чёрных джипа. Тонированные. Дорогие.

Один из громил открывает заднюю дверь среднего джипа.

– Садись, – Рустам за моей спиной.

Оборачиваюсь. Последний раз смотрю на дом. Мой дом. Который больше не мой.

В окнах горит свет. Как будто всё по-прежнему. Как будто папа сейчас сидит в кабинете за компьютером. Как будто я сейчас вернусь и всё будет хорошо.

Но это иллюзия. Дома больше нет. Папы больше нет. Меня больше нет.

Есть только руины.

Сажусь в джип. Рустам садится рядом. Громила – впереди за рулём. Второй – на пассажирском сиденье.

Двери захлопываются. Звук финальный. Как крышка гроба.

Машина трогается.

Я смотрю в окно. Дом удаляется. Становится меньше. Меньше. Исчезает за поворотом.

Всё.

Последний день рая закончился.

Начался первый день ада.

Глава 2

Деньги пахнут кровью. Всегда. Даже когда их только печатают на монетном дворе – они уже пропитаны чужой болью. Потом, переходя из рук в руки, они впитывают больше: пот, слёзы, предательства, убийства. К тому моменту, как купюра доходит до меня, она уже насквозь пропахла смертью.

Я люблю этот запах.

Сажу в машине напротив особняка Лебедевых и курю. Дорогие кубинские сигары – единственная слабость, которую позволяю себе. Магомед за рулём молчит. Знает – когда я курю, лучше помалкивать. Руслан на заднем сиденье проверяет обойму. Щёлк-щёлк. Успокаивающий звук. Музыка моего мира.

– Босс, может не стоит? – наконец решается Магомед. – Дочка-то ни при чём. Пацан сам повесился, долг вроде как закрыт...

Смотрю на него. Долго. Он сжимается под взглядом, отводит глаза.

– Магомед, – говорю тихо. Когда я говорю тихо – все ссутся сильнее, чем когда ору. – Ты мне советы даёшь?

– Нет, босс, что ты...

– Тогда заткнись и делай что положено.

Он кивает. Быстро. Послушно.

Вот что такое власть – когда люди боятся даже твоего молчания. Когда одного взгляда достаточно, чтобы взрослый мужик обоссался. Когда твоё слово – закон, а твой гнев – смертный приговор.

Мне тридцать два. Я построил империю на крови, страхе и чужих костях. Начинал с нуля – пацаном с горного села в Чечне, которому было пятнадцать когда родителей убили. Федералы или боевики – без разницы. Мёртвые одинаково холодные.

Первого человека убил в шестнадцать. Ножом в почку. Помню как горячая кровь текла по руке. Помню как он хрипел, пытаясь вдохнуть. Помню как затихал. Ощущение власти – над жизнью, над смертью.

С тех пор убивал много. Перестал считать после пятидесятого. Зачем? Это как считать выпитые стаканы воды. Обыденность.

В двадцать лет меня уже знали. В двадцать пять – боялись. В тридцать – преклонялись.

Оружие. Нелегальные бои. Казино. Крыша. Чистый оборот – пять миллиардов в год. Легальный фасад – ещё столько же. Полицейские, прокуроры, судьи – все куплены. Политики – тоже. Система работает как часы. Швейцарские, ёб твою мать, часы.

Николай Лебедев был мелкой сошкой. Строительный бизнес, пару объектов, понты на миллиард. Пришёл полгода назад, просил займы. Сто миллионов. Я дал. Не потому что

добрый – таких в моём мире не бывает. А потому что он предложил интересный залог.

Дочь.

Показывал фото. Блондинка, синеглазая, хрупкая как фарфоровая статуэтка. Студентка медицинского. Двадцать три года. Чистенькая. Нетронутая.

– Если не верну – она ваша, – сказал он тогда.

Я усмехнулся:

– Людьми не торгую.

Он побледнел:

– Нет, вы не поняли... Просто... гарантия. Я верну. Обязательно верну.

Не вернул. Как и планировал. Таких как он вижу за километр – слабаки, которые верят что вывезут. Не вывозят никогда. Рано или поздно ломаются. Этот сломался раньше – повесился как тряпка.

Но долг остался. А долги в моём мире не прощают. Иначе – ты слабак. А слабаков сжирают.

Выбрасываю окурок. Киваю Магомеду:

– Едем.

Машина подъезжает к воротам. Открыты. Охраны нет – уволили небось после банкротства. Удобно.

Выхожу из джипа. Октябрьский дождь бьёт по лицу. Холодный. Злой. Люблю дождь. Он смывает кровь лучше всего.

Поднимаюсь по ступенькам. Дверь приоткрыта. Захожу. Магомед и Руслан за мной.

Особняк богатый. Был. Сейчас уже чувствуется запах разорения – едва уловимый, но знакомый. Пустота. Отсутствие жизни. Дом, который скоро продадут за долги.

Осматриваюсь. Холл, мрамор, хрусталь. Понты. Дешёвые понты людей, которые хотят казаться богаче, чем есть.

– Обыщите первый этаж, – говорю Руслану. – Документы, сейфы, ценное. Всё что найдёте.

Он кивает, уходит.

Я поднимаюсь по лестнице. Инстинктом чую – она наверху. Жертвы всегда прячутся повыше. Животный рефлекс. Как будто высота спасёт от хищника.

Не спасёт.

Иду по коридору. Запах свежий – женские духи. Дорогие. Значит недавно пришла. Смотрю в открытые двери – гостевые комнаты, ванная, ещё одна спальня.

В конце коридора – дверь приоткрыта. Кабинет. Оттуда тишина. Мёртвая тишина.

Захожу.

Лебедев висит на люстре. Посинел уже, глаза вылезли. Классика. Трусливая, жалкая классика.

Под люстрой – она.

Сидит на полу, обхватив колени. Раскачивается. Светлые волосы растрепались, закрывают лицо. Тонкие плечи трясутся – плачет беззвучно.

Смотрю на неё. Оцениваю.

Фотографии не ввали. Красивая. Очень. Хрупкая, изящ-

ная, породистая. Видно сразу – из хорошей семьи, воспитанная, образованная. Таких не купишь. Только отобрать.

Подхожу ближе. Она не слышит – в своём горе.

– Анастасия Лебедева? – говорю.

Вздрагивает. Поднимает голову. Смотрит на меня.

Глаза синие. Огромные. Мокрые от слёз. В них – шок, ужас, непонимание.

Красиво. Страх красит женщин. Делает их живыми, настоящими. Без масок и притворства.

Киваю на труп:

– Папочка?

Она кивает. Не может говорить. Горло перехватило.

– Соболезную, – говорю. Без иронии. Просто факт. Мне и правда похуй что он мёртв, но девчонке-то какво.

Хотя, с другой стороны, он продал её. Сам подписал. Так что нехуй жалеть.

Она встаёт. Шатается. Слабая. Держится за стол чтобы не упасть. Смотрит на меня снизу вверх – я выше на голову.

– Вы... кто? – хрипло.

– Рустам Гериев, – представляюсь. – Слышала это имя?

Бледнеет ещё сильнее. Слышала. Хорошо.

– Твой папочка задолжал мне сто миллионов рублей, – продолжаю деловито. – Он расплатился жизнью. Но этого недостаточно.

Подхожу ближе. Беру её за подбородок. Кожа мягкая, тёплая. Поднимаю лицо, заставляю смотреть в глаза.

– Теперь ты моя.

Она вырывается. Отшатывается.

– Я не... не понимаю...

Достаю из кармана договор. Протягиваю. Она берёт трясущимися руками. Читает. Лицо белеет, потом краснеет, потом снова белеет.

– Это... это не может быть правдой... – шепчет. – Папа не мог...

– Мог, – обрываю. – И сделал. Подпись его. Всё законно. По-моему, конечно, закону, но всё же.

Она рвёт бумагу. Мелкие клочки падают на пол.

Усмехаюсь:

– У меня десять копий. Можешь рвать хоть весь день.

Опускается на пол. Обхватывает голову. Начинает раскачиваться снова.

Смотрю на неё. Изучаю. Ломается быстро. Хорошо. Значит податливая. С податливыми работать легче.

Хотя... в глазах что-то ещё есть. Искра. Злость. Ненависть. Тоже хорошо. Сломленные куклы скучны. А вот те, что сопротивляются... те интересны.

– Вставай, – приказываю.

Не встаёт. Сидит как истукан.

Вздыхаю. Нагибаюсь. Беру под локоть. Поднимаю. Она лёгкая. килограмм пятьдесят максимум. Игрушечная.

– Собирай вещи. Десять минут.

– А если нет? – вдруг спрашивает. Голос дрожит, но во-

прос задала.

Смотрю в глаза. Держу взгляд пока она не отводит первой.

– Мои люди соберут за тебя. Но им плевать что брать. Могут прихватить лишнего. Или забыть важное.

Она сжимает кулаки. Хочет ударить? Забавно. Пусть попробует. Посмотрим что будет.

Но нет. Сдерживается. Умная девочка.

– У меня нет выбора? – шепчет.

– У тебя и не было выбора, – отвечаю. – С того момента как твой папаша поставил подпись.

Она смотрит на меня ещё секунду. Потом разворачивается и идёт в свою комнату.

Остаюсь в кабинете. Осматриваюсь. На столе – бумаги. Беру. Счета, долговые расписки, банкротство. Всё как думал – полный провал.

На полу – конверт. Поднимаю. Письмо. Читаю.

Предсмертная записка папаша. Нытьё, оправдания, просьбы о прощении. Классика. Слабаки всегда так делают – сначала набирают долгов, потом плачутся что жизнь тяжёлая.

Жизнь и должна быть тяжёлой. Иначе откуда взяться сильным?

Мой батя говорил: «В горах выживает не самый умный. Выживает самый жёсткий». Он был прав. Потом его убили. Потому что был недостаточно жёстким.

Я жёстче.

Возвращаюсь в холл. Магомед уже там. Кивает:

– Сейф нашёл. Пустой. Только фотки да документы.

– Бери документы. Остальное похуй.

– Босс, может правда не стоит? – снова начинает он. – Девчонка молодая, ни в чём не виновата...

Смотрю на него. Долго. Потом бью. Быстро, коротко, в солнечное сплетение. Он сгибается пополам, хрипит, хватается ртом воздух.

– В следующий раз вырву язык, – тихо говорю. – Понял?

Кивает. Судорожно. Дышит тяжело.

– Я не добрый человек, Магомед, – продолжаю. – Никогда им не был. Девчонка виновата? Нет. Мне похуй? Да. Её отец подписал контракт. Контракт – закон. Не мой закон, не её закон – ЗАКОН. Единственный который работает в нашем мире. – Наклоняюсь ближе. – И если я отпущу её просто так, что подумают остальные? Что Рустам Гериев стал мягким? Что можно не отдавать долги? – Выпрямляюсь. – Нет, братан. Так не работает. Взял – отдай. Не можешь – расплачивайся тем что есть.

Он кивает. Понял. Наконец-то.

Вот в чём дело – власть держится не на любви. И не на уважении. Власть держится на страхе и неотвратимости наказания. Все должны знать: Рустам Гериев не прощает. Никогда. Никому.

Иначе – всё рухнет. Империя, построенная годами, развалится за недели. Потому что в моём мире слабость – смерть.

Она спускается по лестнице. С сумкой. Лицо бледное, глаза красные. Но спина прямая. Идёт с достоинством. Хорошо. Значит не совсем сломалась. Есть стержень.

Руслан забирает у неё сумку. Она не сопротивляется. Умная. Понимает что бесполезно.

– Пойдём, – говорю.

Она смотрит на меня. В глазах – вопрос. Куда? Зачем? Что будет?

Не отвечаю. Пусть гадает. Неизвестность – лучший инструмент контроля. Когда человек не знает что будет дальше – он податливее.

Выходим на крыльцо. Дождь усилился. Льёт как из ведра. Она стоит под струями, промокает насквозь. Не двигается.

– Садись в машину, – говорю.

Оборачивается. Смотрит на дом. Долго. Прощается? Наверное. Понимает – больше не вернётся. Правильно понимает.

Наконец садится в джип. Я рядом. Захлопываю дверь. Руслан заводит мотор.

Едем.

Смотрю на неё краем глаза. Сидит тихо, смотрит в окно. Не плачет. Молодец. Рёвы терпеть не могу. Если будет реветь – будет сложнее. Придётся ломать по-другому.

Но она не ревет. Просто смотрит. Отстранённо. Шок ещё не прошёл.

– Куда вы меня везёте? – вдруг спрашивает. Голос тихий.

Но твёрдый.

– Домой, – отвечаю. – В твой новый дом.

– У меня есть дом.

– Был, – поправляю. – Теперь нет. Его продадут за долги.

Через неделю там будут жить другие люди.

Сжимает кулаки. Дышит глубже. Злится. Хорошо.

– Я могу позвонить? – спрашивает. – Друзьям. Родственникам.

– Нет.

– Почему?

– Потому что я так сказал.

Смотрит на меня. Долго. Оценивает. Пытается понять кто я. Что я. Как со мной работать.

Не поймёт. Меня мало кто понимает. Даже те, кто работает со мной годами.

Потому что я не человек. Не в обычном смысле. Человечность – роскошь. А роскошь делает слабым. Я не могу себе позволить быть слабым.

Батя говорил: «Мир жесток, сынок. И в жестоком мире побеждает самый безжалостный». Я усвоил урок. Усвоил хорошо. Стал безжалостным. Абсолютно. Тотально. Беспощадно.

И вот я здесь. На вершине. Король криминального мира Москвы. Миллиарды в карманах. Сотни людей в подчинении. Власть. Реальная, осязаемая власть.

А она? Она – очередная фишка в игре. Красивая, дорогая фишка. Но всё же фишка.

Впрочем, посмотрим. Может окажется чем-то большим. Такие вещи бывают. Редко. Но бывают.

– Я не буду... – начинает она.

– Будешь, – обрываю. – Будешь всё что я скажу. Потому что альтернатива тебе не понравится.

– Какая альтернатива?

Достаю телефон. Открываю фото. Показываю ей.

На экране – три девушки. Молодые. Её ровесницы, похоже. Смеются, обнимаются. Селфи где-то в кафе.

– Это Лиза, Оля и Катя, – говорю. – Твои подруги из университета. Лиза живёт на Профсоюзной, Оля – на Шаболовке, Катя – в общежитии. – Смотрю на неё. – У меня есть их адреса. Телефоны. Расписания. – Пауза. – И люди, которые могут навестить их в любой момент.

Она бледнеет. Понимает.

– Вы... не посмеете...

– Посмею, – спокойно. – Если дашь повод. – Убираю телефон. – Но пока повода нет. Ты умная девочка. Будешь слушаться – с твоими подругами всё будет хорошо. Не будешь... – Пожимаю плечами. – Ну ты поняла.

Она смотрит на меня с ненавистью. Чистой, выжигающей ненавистью.

Отлично. Ненависть – это страсть. А страсть можно переплавить. В зависимость. В привязанность. В одержимость.

Будет интересно.

Едем дальше. Молчим. Дождь барабанит по крыше маши-

ны. Мерно. Успокаивающе.

Думаю о дочери. Лали. Ей шесть. Больная. ДЦП, эпилепсия. Результат того что её мать была наркоманкой. Я не знал. Если бы знал – убил бы эту суку раньше чем она родила. Но не знал.

Зарема умерла семь лет назад. Передоз. В коме. Лали вытащили экстренным кесаревым. Выжила. Но с последствиями.

Моя вина. Не углядел. Не уберёг. Не спас.

Теперь живу с этим грузом. Дочь-инвалид. Самое дорогое что у меня есть. И самое больное.

Вот почему эта девчонка здесь. Лали нужна мать. Настоящая мать. Не няньки. Не сиделки. Мать.

У Анастасии медицинское образование. Почти врач. Сможет помочь. Сможет заниматься реабилитацией. Научить Лали жить. Дать ей шанс.

Конечно, девчонка этого пока не знает. Узнает завтра. Когда познакомлю их.

Интересно как отреагирует. Примет? Оттолкнёт? Сбежит?

Сбежать не получится. Я прослежу. А вот принять или оттолкнуть – её выбор. Насильно заставляя любить ребёнка нельзя. Не работает так.

Хотя... кто знает. Может и можно. Просто раньше не пробовал.

Подъезжаем к дому. Моему дому. Крепость на Рублёвке.

Забор четыре метра. Камеры. Охрана. Собаки. Система безопасности военного уровня.

Ворота открываются. Въезжаем.

Она смотрит в окно. Оценивает. Понимает – сбежать отсюда невозможно.

Правильно понимает.

Машина останавливается. Выхожу. Она не двигается. Сидит.

– Выходи, – говорю.

Медленно открывает дверь. Выходит. Стоит под дождём. Смотрит на дом. Огромный. Трёхэтажный. Стекло, бетон, сталь. Красиво. Дорого. Надёжно.

– Добро пожаловать, – говорю. – В твою новую жизнь.

Она оборачивается. Смотрит на меня.

– Это не жизнь, – тихо. – Это тюрьма.

Усмехаюсь:

– Золотая тюрьма, принцесса. Есть разница.

– Тюрьма остаётся тюрьмой. Даже если решётки из золота.

Философия. Неожиданно. Думал будет проще.

Ну ничего. Сложные интереснее ломать.

Подхожу к ней. Близко. Наклоняюсь к самому уху. Шепчу:

– Запомни одно, Анастасия. В этом мире есть только два типа людей: хищники и жертвы. Твой папаша был жертвой. Слабой, жалкой жертвой. – Выпрямляюсь. – А ты... ты будешь тем, кем я скажу быть.

Отхожу. Иду к дому.

Оборачиваюсь на пороге:

– Идёшь? Или будешь стоять под дождём всю ночь?

Она стоит ещё секунду. Потом медленно идёт следом.

Заходим в дом. Тепло. Светло. Пахнет кофе и дорогим деревом.

Фатима, экономка, выходит из кухни. Пожилая женщина, строгая. Работает у меня десять лет. Видела всякое. Ничему не удивляется.

– Фатима, это Анастасия, – представляю. – Покажи ей комнату на втором этаже. Восточное крыло.

– Слушаюсь, – кивает Фатима. Смотрит на девчонку оценивающе. – Пойдёмте, дочка.

Анастасия смотрит на меня. Ждёт ещё чего-то. Не знаю чего.

– Иди, – говорю. – Отдыхай. Завтра поговорим.

Она медленно идёт за Фатимой. По лестнице вверх. Не оглядывается.

Смотрю ей вслед. Оцениваю. Красивая. Сильная. Интересная.

Магомед рядом. Молчит. Знает что я думаю.

– Что будем делать с ней, босс? – наконец спрашивает.

Пожимаю плечами:

– Посмотрим. Если сломается – выкину. Если выдержит... – Усмехаюсь. – Оставлю.

– А если сбежит?

Смотрю на него. Долго.

– Не сбежит. – Поворачиваюсь к окну. – Я прослежу.

Потому что вот в чём дело: я всегда получаю что хочу.

Всегда. Любой ценой.

А сейчас я хочу её.

Не только как долг. Не только как игрушку.

Как вызов.

Как добычу.

Как трофей.

Она будет моей. Рано или поздно. Сама придёт. Сама попросит остаться.

Потому что в конце концов все ломаются. Все. Без исключения.

Просто вопрос времени и методов.

А у меня – куча времени.

И все методы мира.

Глава 3

Есть момент, когда реальность окончательно ломается – не трещит по швам, не даёт трещину, а рассыпается на миллион острых осколков, которые впиваются в кожу, в сознание, в самую душу, и ты понимаешь: то, что было «до», больше никогда не вернётся, а то, что будет «после» – это новая, страшная, непонятная жизнь, в которой ты уже не хозяйка, а пленница собственной судьбы.

Это мой момент, и он длится вечность, хотя прошло всего двадцать минут с тех пор, как я села в эту проклятую машину.

Я сижу рядом с ним – с мужчиной, чьё имя я узнала час назад, с человеком, который забрал меня из родного дома как вещь, как имущество, как чёртову статуэтку со старинного комода, – и каждая клеточка моего тела кричит: «БЕГИ! ВЫПРЫГИВАЙ! РАЗБЕЙ ОКНО! ЧТО УГОДНО!», но я не двигаюсь, потому что шок сковал меня по рукам и ногам, превратил в ледяную статую, которая только и может что дышать – судорожно, прерывисто, как будто кто-то сжимает горло невидимыми пальцами.

Дождь барабанит по крыше джипа – монотонно, назойливо, как метроном, отсчитывающий последние секунды моей прежней жизни. Дворники скрипят в такт ударам сердца: ту-

да-сюда, туда-сюда, взад-вперёд, словно стирая не капли воды со стекла, а мою биографию, моё прошлое, моё проклятое счастливое утро, когда я ещё не знала что папа мёртв, а я – товар.

За окном мелькают знакомые улицы Москвы: Кутузовский проспект, огни реклам, витрины магазинов, где я покупала платья и смеялась с подругами, – но сейчас всё это кажется декорациями к чужому фильму, в котором я вдруг оказалась не зрителем, а главной героиней трагедии, которую я даже не выбирала.

Город стал чужим.

Враждебным.

Мёртвым – как папа, висящий в кабинете с синим лицом и вытаращенными глазами, которые даже после смерти смотрели куда-то в никуда, словно искали прощения, которого я не могу дать, потому что он ПРОДАЛ МЕНЯ, подписал бумагу, где я стала залогом, вещью, разменной монетой в его грязной игре с деньгами и долгами.

Рустам молчит.

Он сидит рядом – большой, мощный, от него пахнет дорогим одеколоном вперемешку с чем-то ещё, чем-то хищным, опасным, первобытным, – и смотрит в телефон, читает сообщения, пальцы быстро бегают по экрану, и на лице его – абсолютное спокойствие, деловитость человека, который только что не разрушил чью-то жизнь, а просто забрал посылку с почты.

Обыденность.

Рутина.

Для него я – очередная сделка, очередной актив, очередная строчка в блокноте: «Забрать Лебедеву. Готово».

И это, наверное, самое страшное – что для него это НОРМАЛЬНО, что он даже не напрягается, не оправдывается, не злорадствует, он просто ДЕЛАЕТ, потому что может, потому что имеет право, потому что в его мире такие законы: сильный забирает у слабого всё, что захочет.

А я – слабая.

Дочь слабака.

Жертва.

Я сжимаю кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони до боли, до крови почти, и эта боль – единственное что ещё напоминает мне что я жива, что я чувствую хоть что-то кроме этой ледяной пустоты, которая растекается по венам вместо крови, заполняет лёгкие вместо воздуха, заменяет мысли на белый шум: пусто-пусто-пусто-ничего-не-осталось.

Надо что-то делать.

Кричать. Плакать. Бить его. Выброситься из машины на полном ходу и пусть асфальт размажет меня по дороге – это всё лучше, чем ТО, что будет дальше, чем неизвестность, которая страшнее любой определённости.

Но тело не слушается.

Парализовано.

Заморожено страхом, шоком, невозможностью принять происходящее.

Мозг судорожно пытается найти объяснение, рациональное зерно в этом абсурде: может это сон? Может я сплю, а кошмар закончится через секунду и я проснусь в своей кровати, в своей комнате, где пахнет мамиными духами и папа жив и всё хорошо-хорошо-хорошо?

Но нет.

Это не сон.

Это реальность – грязная, жестокая, безжалостная реальность, которая не спрашивает хочешь ли ты в ней жить, она просто ЕСТЬ, и ты в ней – песчинка, щепка, ничтожество, которое мир может раздавить одним движением и даже не заметить.

– Куда вы меня везёте? – вырывается у меня, и голос мой звучит чужим, хриплым, надломленным, словно я не говорю, а скрежещу ржавым железом по стеклу.

Рустам даже не поднимает глаз от телефона – ему настолько плевать на мой вопрос, что он продолжает читать сообщения, и только через несколько секунд, словно делая одолжение, отвечает:

– Сказал уже. Домой.

Один слог.

Шесть букв.

А между ними – целая пропасть, потому что «домой» для меня – это особняк на Остоженке, где я выросла, где каждый

угол хранит память о маме, о папе, о детстве, когда мир был добрым и справедливым.

А для него «домой» – это место, куда он везёт свою новую собственность.

– Это не мой дом, – шепчу я, и в этом шёпоте – последняя попытка сопротивления, жалкая, слабая, но хоть что-то.

– Теперь твой, – отвечает он без эмоций, и эта простота, эта обыденность, с которой он произносит слова, ломающие мне жизнь пополам, бесит меня так сильно, что я чувствую как внутри вспыхивает ярость – горячая, красная, обжигающая.

– У меня есть квартира! – повышаю голос, и он дрожит от злости. – Друзья! Учёба! Жизнь, мать вашу, ЖИЗНЬ! Вы не можете просто взять и...

– Могу, – обрывает он, и наконец смотрит на меня, и в этих глазах – чёрных, глубоких, холодных как зимняя ночь без звёзд – я вижу абсолютную уверенность человека, который ЗНАЕТ что может всё, и никто, ни один человек на этой гребаной планете не скажет ему «нет». – Квартиру продадут за долги папаши. Друзья забудут тебя через месяц, потому что люди забывают быстро, особенно когда забывать удобно. Учёба... – Он усмехается, и в этой усмешке столько презрения, что меня передёргивает. – Может разрешу доучиться заочно. Если будешь хорошо себя вести.

– ЕСЛИ БУДУ ХОРОШО СЕБЯ ВЕСТИ?! – срываюсь я на крик, и мне плевать что водитель вздрагивает, плевать что

Рустам может разозлиться, плевать на всё, потому что внутри всё кипит, бурлит, взрывается. – ВЫ ОХРЕНЕЛИ?! Я НЕ СОБАКА!

Тишина.

Тяжёлая, давящая, звенящая тишина, в которой слышен только стук дождя и моё прерывистое дыхание.

Рустам смотрит на меня долго, изучающе, словно я – интересный экспонат в музее, и потом, очень спокойно, очень медленно произносит:

– Нет, не собака. Собаки верные. Преданные. Они не предадут хозяев. – Пауза, и каждое слово падает как камень. – А ты пока не доказала верность.

От этих слов по спине ползут мурашки – холодные, липкие, мерзкие мурашки, которые забираются под кожу, проникают в кости, застывают в крови, превращая её в ледяную жижу.

– Я не обязана вам ничего доказывать, – шиплю я сквозь зубы, и голос мой звучит как змеиный – злой, ядовитый, отчаянный. – Я вам НИЧЕГО не должна. Это папа задолжал. ПАПА! Не я!

– Папа подписал договор, где ты – залог, – терпеливо, как ребёнку-дебилу, объясняет он, и в его голосе нет ни капли раздражения, только бесконечное спокойствие человека, которому приходится объяснять очевидные вещи идиоту. – Значит долг перешёл на тебя. Юридически. Официально. По закону.

– Это не законы! – задыхаюсь я. – Это... это РАБСТВО!

– Называй как хочешь, – пожимает он плечами. – Суть не меняется. Ты моя. По праву долга. По праву силы. По праву того, что я так сказал.

Последняя фраза ударяет сильнее всего – не потому что она жестокая, а потому что она правдивая: в его мире так и работает, сильный решает, слабый подчиняется, и никакие законы, никакая мораль, никакая справедливость не имеют значения, когда у одного кулаки и деньги, а у другого только слёзы и мольбы.

Я разворачиваюсь к окну, потому что не могу больше смотреть на него – на это лицо, красивое, резкое, с высокими скулами и шрамом через щёку, лицо хищника, которое могло бы украшать обложки журналов, если бы за ним не скрывалась абсолютная, тотальная, беспросветная пустота.

Как можно быть таким?

Настолько холодным?

Бесчувственным?

Монстром в человеческой шкуре?

Хотя... он же криминальный авторитет, бандит, убийца, человек, который зарабатывает миллиарды на крови и страхе, для него я – просто очередная сделка, очередная вещь, очередная игрушка, которую можно использовать и выбросить когда надоест.

Слёзы жгут глаза – горячие, солёные, предательские слёзы, которые я не хочу показывать ему, не хочу давать ему

удовольствие видеть меня сломленной, поэтому зажмуриваюсь, стискиваю зубы до боли в челюсти, дышу через нос – раз, два, три, четыре, – пытаюсь успокоиться, взять себя в руки, не развалиться окончательно.

Мама учила меня этому когда я боялась темноты: «Дыши, солнышко. Глубоко. Медленно. Страх проходит если его пересидеть, если дать ему время раствориться, если не кормить его паникой».

Но это не страх.

Это что-то другое – тяжёлое, вязкое, удушающее, оно наполняет грудную клетку как вода наполняет лёгкие утопленника, оно давит на мозг как тонны бетона, оно превращает сердце в кусок свинца, который бьётся всё медленнее и медленнее, словно готовится остановиться.

Безысходность.

Отчаяние.

Смерть при жизни – когда ты дышишь, двигаешься, говоришь, но внутри уже пусто, выжжено, стерилизовано, как будто кто-то вырезал из тебя всё живое и оставил только пустую оболочку.

Машина сворачивает с Кутузовского, едем по Рублёвскому шоссе – мимо дорогих коттеджей с высокими заборами, мимо ухоженных газонов и бассейнов, мимо жизни богатых людей, которые живут в своих золотых клетках добровольно и считают это счастьем.

Я буду жить в такой же клетке.

Только не добровольно.

Подъезжаем к огромному забору – металлическому, высокому, метра четыре минимум, с острыми пиками наверху и камерами по всему периметру, словно это не частный дом, а военная база. Ворота открываются автоматически, беззвучно, плавно, впуская нас внутрь, и я чувствую как что-то внутри меня сжимается, съёживается, потому что эти ворота – они не просто открываются, они ЗАКРЫВАЮТСЯ за мной, отрезая меня от мира, от свободы, от всего что было раньше.

Въезжаем на территорию.

Дом передо мной – не дом, а крепость: трёхэтажная громада из стекла, бетона и стали, современная архитектура в стиле минимализма, дорогая, холодная, безжизненная. Вокруг – идеально ухоженный сад с фонтаном, гараж на шесть машин, несколько построек поменьше – наверное для прислуги или охраны.

Красиво.

Богато.

Мертво – как всё что куплено за кровавые деньги.

Машина останавливается у центрального входа, и водитель – молчаливый громила с каменным лицом – первым выходит, открывает дверь Рустаму, и тот выходит не спеша, поправляет костюм, стряхивает невидимую пылинку с рукава, и даже в этом простом жесте чувствуется власть, уверенность человека, который владеет не только этим домом, но и всем что в нём находится, включая меня.

Он оборачивается, смотрит на меня через открытую дверь:

– Выходи.

Я не двигаюсь.

Это последний акт сопротивления – жалкий, бессмысленный, детский, но я цепляюсь за него как утопающий за соломинку, потому что если я выйду из этой машины, если переступлю порог этого дома, то это будет точка невозврата, финальная, необратимая точка, после которой моя старая жизнь умрёт окончательно.

Рустам вздыхает – не раздражённо, скорее устало, словно он имеет дело не со взрослой девушкой, а с капризным ребёнком, – наклоняется, смотрит мне прямо в глаза, и в его взгляде нет ни жалости, ни злости, только холодная констатация факта:

– Можешь выйти сама. Или я вытащу тебя. Тебе решать как это будет выглядеть – достойно или унижительно.

В его голосе нет угрозы.

Это не угроза.

Это обещание.

Медленно, преодолевая сопротивление каждой мышцы, я открываю дверь, ставлю ногу на мокрый асфальт, выхожу, и дождь сразу окатывает меня ледяной водой, промокаю до нитки за секунды, волосы прилипают к лицу, одежда к телу, и я стою под этими потоками воды и думаю что это как крещение – смывается старая Настя, рождается новая, чужая,

неизвестная.

Рустам идёт к дому широкими уверенными шагами, не оглядываясь, зная что я пойду следом, потому что мне некуда больше идти, некуда бежать, некого звать на помощь.

Я стою под дождём ещё несколько секунд – последние секунды свободы, даже такой иллюзорной, – смотрю на забор, на камеры, на дом, который станет моей тюрьмой, и внутри что-то окончательно ломается, не с громким треском, а тихо, почти неслышно, как ломается сухая ветка под снегом.

Иду следом.

Одна нога перед другой.

Шаг.

Ещё шаг.

Переступаю порог.

Холл огромный – мраморные полы, от которых отражается свет хрустальной люстры размером с маленький автомобиль, высокие потолки метров пять, белые стены без единого украшения, минималистичная мебель, чёрно-белая цветовая гамма, всё идеально, стерильно, безупречно.

Мёртво.

Как мавзолеей.

Как музей, в котором экспонаты за стеклом и трогать их нельзя.

Как дом человека, у которого нет души.

– Фатима! – зовёт Рустам, и голос его гулко отражается от стен.

Из глубины дома выходит женщина лет пятидесяти-пятидесяти пяти – полная, среднего роста, в тёмном платье и платке на голове, с лицом строгим, почти суровым, но глаза у неё умные, цепкие, оценивающие.

– Слушаю, – говорит она низким голосом, в котором слышится привычка командовать.

– Это Анастасия, – коротко Рустам, даже не удостоивая меня взглядом. – Покажи ей комнату. Восточное крыло, второй этаж. И найди ей сухую одежду.

Фатима смотрит на меня долго, внимательно, изучающе, словно пытается понять кто я, что я, насколько сломлена, насколько опасна, и я выдерживаю этот взгляд, потому что сдаваться мне пока рано, потому что внутри ещё теплится крохотная искра гордости, которую я не позволю затоптать.

Наконец она кивает:

– Пойдёмте, девочка.

Я оборачиваюсь к Рустаму – хочу сказать что-то, что угодно, плюнуть в лицо, ударить, хоть как-то заявить о себе, – но он уже отвернулся, достал телефон, говорит по-чеченски резко, зло, и я понимаю что меня уже не существует для него, что я просто вещь, которую доставили на место, и теперь можно заниматься важными делами.

Иду за Фатимой по широкой мраморной лестнице, ноги скользят – я насквозь мокрая, оставляю мокрые следы на ступенях, и эти следы кажутся мне каплями крови, которые я теряю, поднимаясь всё выше и выше, прочь от выхода, прочь

от свободы.

– Осторожнее, – бросает Фатима через плечо. – Упадёшь – башка раскроется. Мрамор не прощает ошибок.

– Было бы неплохо, – шепчу я, и сама не понимаю шучу или говорю серьёзно.

Фатима останавливается, оборачивается, смотрит на меня долго, и в её глазах что-то мелькает – жалость? сочувствие? презрение? – не разобрать.

– Дура, – констатирует она спокойно, без злости. – Глупая избалованная дурочка, которая думает что смерть – это решение. – Качает головой. – Смерть – это конец. А ты ещё молодая. У тебя вся жизнь впереди.

– Какая жизнь? – смеюсь я истерически. – В клетке? С цепью на шее? Собственностью психопата?

– Жизнь, – повторяет она упрямо. – Любая жизнь лучше смерти. Запомни это.

Разворачивается, идёт дальше, и я, спотыкаясь, бреду следом, потому что выбора нет, потому что альтернатива – сесть на эту лестницу и умереть здесь от отчаяния – пока не рассматривается.

Поднимаемся на второй этаж.

Длинный коридор тянется в обе стороны, двери с обеих сторон, всё в том же стиле – дорого, холодно, безжизненно.

Фатима открывает одну из дверей в конце восточного крыла:

– Твоя комната.

Я захожу и замираю.

Комната огромная – квадратных метров сорок минимум, с огромной кроватью king-size под белоснежным балдахином, с шкафом во всю стену, с туалетным столиком, за которым могла бы сидеть голливудская звезда, с мягким бежевым ковром, в который утопают ноги, с креслом у окна и торшером рядом для чтения.

Красиво.

Дорого.

Идеально.

Как картинка из журнала «Лучшие интерьеры для богатых мерзавцев».

Я медленно подхожу к окну, смотрю вниз: сад, фонтан, забор вдалеке, камеры на каждом столбе, и...

И решётки.

На окнах.

Декоративные, изящные, кованые, почти незаметные за тяжёлыми шторами, но они ЕСТЬ, и это значит что окно – не выход, что я заперта здесь не только символически, но и физически.

Смех вырывается из меня – истерический, надломленный, безумный смех, который я не могу остановить, который сотрясает всё тело, который звучит как плач, хотя это смех, и я смеюсь и смеюсь, пока не начинаю задыхаться.

– Золотая клетка, – выдавливаю я сквозь хохот-рыдания.
– Он посадил меня в золотую клетку с шёлковыми просты-

нями и хрустальными люстрами, и теперь я буду здесь сидеть как канарейка в позолоченной клетке и петь когда хозяин захочет.

– Перестань, – резко обрывает Фатима. – Возьми себя в руки. Немедленно.

Я оборачиваюсь к ней, и смех застывает на губах, потому что в её глазах я вижу что-то похожее на... понимание?

– КАК?! – кричу я, и голос срывается. – КАК мне взять себя в руки?! Мой отец МЁРТВ! Меня ПОХИТИЛИ! Я в ТЮРЬМЕ!

– В тюрьме кормят баландой из помоек и бьют до полусмерти надзиратели-садисты, – спокойно, почти философски произносит Фатима. – Здесь у тебя постель из египетского хлопка и еда от повара, который готовил для президентов. Чувствуешь разницу?

– КАКАЯ РАЗНИЦА?! – истерика накрывает меня с головой. – Тюрьма остаётся тюрьмой даже если в ней паркетные полы и мягкие подушки!

– Разница в том, девочка, что ты жива, – отрезает она, и в голосе её звучит сталь. – И пока ты жива – у тебя есть шансы.

– Шансы на что?

– На всё. На побег. На изменение ситуации. На выживание. – Она подходит ближе, смотрит в глаза. – Но для этого тебе нужно перестать реветь, начать думать и беречь силы. Понимаешь?

Я смотрю на неё, и что-то в её словах пробивается сквозь

пелену шока, оседает в мозгу, заставляет думать.

Она права.

Мёртвые не сбегают.

Только живые.

Медленно киваю.

– Вот и умница, – Фатима разворачивается к двери. – Ванная там, – кивает на дверь слева. – Горячая вода есть, полотенца чистые. Переоденешься – ужин через час. Спустишься или принесу сюда – решай сама.

– Я не голодна, – шепчу я.

– Голодной будешь завтра, – пожимает плечами Фатима. – Но совет дам бесплатно: ешь. Спи. Береги силы. Здесь они тебе понадобятся, поверь старухе.

Она уходит, и я слышу как поворачивается ключ в замке – щёлк, и всё, я заперта, окончательно, бесповоротно.

Бросаюсь к двери, дёргаю ручку – бесполезно, бью кулаками в массивное дерево – раз, два, десять, двадцать, пока костяшки не кровоточат и не болят так, что хочется выть.

Не помогает.

Сползаю на пол, обхватываю колени, раскачиваюсь, и передо мной проносятся картинки: папа в петле, письмо дрожащим почерком, чёрные глаза Рустама, решётки на окнах, и всё это крутится в бешеной карусели, которая не останавливается, только разгоняется, и меня тошнит от этой карусели, от этой жизни, от этого проклятого дня, который начался как обычная пятница, а закончился как конец света.

Не знаю сколько сижу так – час? два? время потеряло смысл, растеклось в бесформенную массу, – но постепенно тело затихает, слёзы заканчиваются, остаётся только пустота и странное, отстранённое спокойствие человека, который уже пережил худшее и теперь просто существует.

Встаю.

Шатаюсь иду в ванную.

Включаю свет, и меня ослепляет белизной: огромное помещение с джакузи, душевой кабиной, двумя умывальниками, зеркалом во всю стену и кучей баночек-скляночек дорогой косметики.

Смотрю на своё отражение.

Не узнаю.

Передо мной – призрак: лицо бледное как у мертвеца, тёмные круги под глазами, волосы мокрые, прилипшие к щекам, губы синие от холода, глаза широкие, дикие, безумные.

Кто это?

Настя-принцесса, которая ещё вчера смеялась с подругами и выбирала помаду?

Или Настя-вещь, которую только что доставили новому владельцу?

Раздеваюсь медленно, стягиваю мокрую одежду, и она падает на пол с мерзким хлопаящим звуком.

Захожу в душ, включаю воду – горячую, обжигающе горячую, – и стою под струями, не двигаясь, и вода смывает холод, грязь, может быть даже частичку этого кошмара, но

не всё, не внутреннее, потому что то что произошло сегодня не смыть никакой водой.

Мою голову, тело – автоматически, как робот, потому что мозг отключился, работает только базовая программа выживания: дыши, двигайся, не умирай.

Выхожу, вытираюсь огромным мягким полотенцем, надеваю белый махровый халат, который висит на крючке.

Возвращаюсь в комнату.

На кровати лежит одежда – откуда? когда Фатима принесла? пока я была в душе? – домашние штаны, мягкая футболка, всё точно моего размера.

Одеваюсь.

Сажусь на кровать – она мягкая, удобная, шёлковое постельное бельё приятно холодит кожу, – и смотрю на дверь (заперта), на окно (решётки), на стены (красивые, но это стены тюрьмы).

Золотая клетка.

Но клетка.

Думаю.

Пытаюсь анализировать.

Медицинское образование научило меня логике, структурированию проблем, поиску решений.

Проблема: я в плену.

Цель: выбраться.

Как?

Варианты:

Один – окно. Не подходит. Решётки.

Два – дверь. Заперта. Но рано или поздно откроют. Можно попытаться вырваться тогда.

Три – просить о помощи. Кого? Фатиму? Она предана ему. Охрану? Тем более. Полицию? Он сказал что они куплены.

Четыре – ждать. Наблюдать. Изучать. Искать слабости. Играть в покорную. Притворяться сломленной. А самой готовить побег.

Последний вариант самый реалистичный.

Хорошо.

Тогда так и буду действовать.

Буду смирной. Тихой. Послушной.

А сама буду смотреть, запоминать, искать выход.

Потому что он обязательно есть.

Всегда есть выход.

Даже из ада.

Стук в дверь выдёргивает меня из мыслей.

Ключ поворачивается, дверь открывается, входит Фатима с подносом, на котором дымится тарелка супа, кусок мяса, хлеб, чай в красивой чашке.

– Ужин, – ставит поднос на столик. – Ешь. Горячее.

– Спасибо, – машинально говорю я, и удивляюсь что ещё способна на вежливость.

Фатима смотрит на меня оценивающе:

– Душ приняла. Оделась. Спокойнее стала. – Кивает. – Хо-

рошо. Значит не совсем сломалась. Есть ещё порох в пороховницах.

– А должна была сломаться? – спрашиваю я тихо.

– Многие ломаются в первый день, – пожимает плечами Фатима. – Ревут, бьются в истерике, отказываются есть, пытаются убить себя. – Смотрит в глаза. – Ты держишься. Молодец.

– Почему вы мне это говорите? – не понимаю я. – Вы же на его стороне.

Фатима останавливается в дверях, оборачивается:

– Я ни на чьей стороне, девочка. Я просто живу. Делаю свою работу. Выживаю в этом мире как могу. – Пауза. – Как и ты теперь.

Уходит.

Щёлк – дверь заперта снова.

Смотрю на поднос.

Еда пахнет вкусно – суп наваристый, мясо с травами и специями, хлеб свежий.

Желудок предательски урчит – не ела с завтрака, а было это в другой жизни, в той где папа был жив, а я свободна.

Надо есть.

Фатима права.

Силы понадобятся.

Ем медленно, методично, не чувствуя вкуса, просто заталкивая еду в рот, прожёвывая, глотая, потому что это необходимость, программа выживания.

Допиваю чай – сладкий, горячий.

Ставлю поднос обратно.

Ложусь на кровать, натягиваю одеяло, и оно мягкое, лёгкое, тёплое, и я ненавижу себя за то что мне комфортно, за то что тело расслабляется несмотря ни на что.

Закрываю глаза.

Думаю о маме.

Она умерла когда мне было шестнадцать – рак сожрал её изнутри за три месяца, быстро, жестоко, беспощадно, – и последнее что она сказала: «Будь сильной, солнышко. Что бы ни случилось – будь сильной».

Мам, я не знаю как быть сильной в этом аду. Научи меня. Но мёртвые не отвечают. Они просто молчат. И в этом молчании я проваливаюсь в сон – тяжёлый, беспокойный, полный кошмаров.

А утром проснусь в новой реальности. В золотой клетке. С хищником за дверью.

Глава 4

Есть особая жестокость в том, чтобы проснуться в шёлковых простынях и на секунду забыть где ты, кто ты, что с тобой случилось – эта секунда блаженного неведения, когда мозг ещё спит и не успел загрузить вчерашний кошмар, длится ровно до того момента, пока ты не открываешь глаза и не видишь чужой потолок, чужие стены, чужое окно с решётками, и тогда реальность обрушивается на тебя как лавина, погребая под собой последние крохи надежды что всё это был просто страшный сон.

Я открываю глаза.

И помню.

Всё.

Папа мёртвый, его синее лицо и вытаращенные глаза, письмо дрожащим почерком, чёрные глаза Рустама, который забрал меня как вещь, дорога под дождём, этот дом-крепость, комната-клетка, запертая дверь.

Тошнота поднимается волной из желудка в горло, и я едва успеваю перевернуться на бок, свеситься с кровати, но рвать нечем – желудок пуст, выходит только жёлчь, горькая, обжигающая, и я давлюсь, кашляю, задыхаюсь, и слёзы текут сами собой, не от боли, а от безысходности, от того что это не сон, это реальность, и мне придётся жить в ней.

Вытираю рот дрожащей рукой, сажусь на краю кровати, и всё тело ломит, как после долгой болезни – кости ноют, мышцы натянуты как струны, голова раскалывается, словно кто-то вбивает гвозди в череп изнутри.

За окном светло – утро, судя по бледному свету солнца, пробивающегося сквозь тяжёлые шторы, часов восемь-девять, и я понимаю что проспала больше двенадцати часов, вырубилась как убитая, и тело взяло своё, отключило сознание насильно, потому что иначе я бы не выдержала, сошла бы с ума от мыслей, которые роились в голове как осы в разворошенном гнезде.

Встаю, шатаясь иду к окну, отдёргиваю штору.

Вид открывается идеальный – как с открытки для богатых: ухоженный сад с изумрудным газоном, на котором ни единой проплешины, клумбы с цветами, аккуратно подстриженные кусты, фонтан в центре, из которого бьют струи воды, переливаясь на солнце всеми цветами радуги, а дальше, за садом – тот самый забор, высокий, металлический, с камерами наблюдения и острыми пиками наверху, за которым начинается свобода, до которой мне не дотянуться.

Прикладываю ладонь к стеклу – холодное, толстое, наверняка пуленепробиваемое, – и чувствую как что-то внутри сжимается в тугий узел, потому что это окно не для того чтобы выходить, это окно для того чтобы смотреть на мир снаружи и понимать что он больше не твой.

Решётки красивые – кованые, с растительным орнамен-

том, почти произведение искусства, но от этого не менее крепкие, не менее надёжные, не менее тюремные.

Клетка остаётся клеткой даже если её прутья позолочены и украшены цветами.

Отхожу от окна, иду в ванную, включаю свет, и отражение в зеркале пугает меня сильнее чем вчера: лицо землистого цвета, губы бескровные, под глазами синяки такие тёмные, словно меня избили, волосы торчат во все стороны, и я выгляжу не как двадцатитрёхлетняя девушка, а как привидение, как призрак самой себя.

Умываюсь холодной водой, пытаюсь хоть немного привести себя в чувство, чищу зубы чужой щёткой (откуда она здесь? купили специально? или это от прошлой пленницы?), расчёсываю волосы, заплетаю в косу, смотрю на себя критически и понимаю что лучше не стало, но хотя бы выгляжу по-человечески.

Возвращаюсь в комнату, и тут замечаю то, чего не видела вчера: на стуле у двери аккуратно сложена одежда – джинсы, свитер, нижнее бельё, всё новое, с бирками, всё точно моего размера.

Кто-то заходил пока я спала.

Приносил одежду.

Смотрел на меня спящую.

Мурашки пробегают по коже – неприятные, липкие мурашки от мысли что я была беззащитна, без сознания, а кто-то стоял надо мной, смотрел, может даже трогал, и я не зна-

ла, не чувствовала, не могла защититься.

Одеваюсь быстро, натягивая одежду как броню, как защиту, хотя понимаю что это иллюзия, что никакая одежда не защитит меня здесь, но хоть что-то.

Подхожу к двери, пробую ручку – заперта, конечно, чего я ожидала? – но тут слышу шаги за дверью, звук ключа в замке, и я инстинктивно отступаю на шаг назад, не зная чего ожидать.

Дверь открывается.

Входит Фатима с подносом, на котором стоит кофе, круасаны, фрукты, йогурт – завтрак для принцессы в золотой клетке.

– Доброе утро, – говорит она ровным голосом, ставя поднос на столик. – Проспала долго. Это хорошо. Организму нужен был отдых.

Я молчу, не зная что ответить, и Фатима оценивающе оглядывает меня с головы до ног:

– Оделась. Умылась. Волосы заплела. – Кивает одобрительно. – Значит решила жить, а не помирать. Правильное решение.

– У меня не было выбора, – хрипло произношу я, и голос звучит чужим, простуженным, словно я неделю кричала и сорвала связки.

– Выбор всегда есть, девочка, – возражает Фатима, подходя к окну и распахивая шторы полностью, впуская в комнату яркий утренний свет, от которого я щурюсь. – Можно

выбрать жить или выбрать умереть. Можно выбрать бороться или выбрать сдаться. – Оборачивается, смотрит на меня. – Ты выбрала жить и бороться. Я это вижу. В глазах твоих огонь ещё не потух.

– Какая разница что я выбрала, – устало говорю я, опускаюсь на кровать, – если я всё равно здесь, взаперти, без права голоса, без будущего?

– Разница огромная, – резко обрывает меня Фатима, и в голосе её впервые слышится что-то похожее на раздражение. – Одни ломаются за день и превращаются в овощи, которые просто существуют, дышат, едят, спят, но внутри уже мертвы. Другие держатся, ищут выход, адаптируются, выживают. – Пауза, тяжёлая, давящая. – Первых жалко. Вторых – уважаю.

Я смотрю на неё долго, пытаюсь понять что за женщина передо мной: союзник? враг? просто наблюдатель? – но лицо её непроницаемо, как маска, и прочесть ничего невозможно.

– Ешь, – коротко бросает она, направляясь к двери. – В десять спустишься вниз. Хозяин велел представить тебя... – Запинается. – Велел познакомить с домом.

– А если не спущусь? – вызывающе спрашиваю я, хотя прекрасно понимаю что это глупо, что у меня нет рычагов давления, нет силы, нет ничего кроме слабого упрямства.

Фатима останавливается в дверях, не оборачиваясь:

– Тогда он поднимется сам. – Голос становится тише, по-

что предупреждающим. – Поверь, лучше спуститься самой.

Уходит, и я слышу как поворачивается ключ, но на этот раз дверь не запирается до конца – слышу только один щелчок вместо двух.

Тест?

Проверка?

Посмотрим на что способна пленница если дверь не заперта наглухо?

Встаю, подхожу к двери, тяну ручку – открывается.

Сердце бешено колотится, адреналин вбрасывается в кровь такой мощной волной, что на секунду кружится голова, и я стою на пороге открытой двери, глядя в пустой коридор, и думаю: бежать? прямо сейчас? вниз по лестнице, к выходу, к воротам?

Но тут же разум включается, холодный, трезвый, беспощадный: охрана, камеры, собаки, забор четыре метра высотой, у меня нет обуви кроме домашних тапочек, нет телефона, нет денег, нет плана, и даже если я чудом выберусь за ворота, он найдёт меня за час, максимум два, и тогда наказание будет таким, что лучше бы я не пыталась.

Нет.

Не сейчас.

Не так.

Побег нужно планировать, готовить, выжидать момент.

Закрываю дверь, возвращаюсь к столику, сажусь, смотрю на завтрак.

Кофе пахнет божественно – арабика, свежемолотая, с лёгкими нотками шоколада и орехов, – и желудок снова предательски урчит, напоминая что последний нормальный приём пищи был позавчера.

Ем медленно, методично, заставляя себя жевать тщательно, глотать, хотя каждый кусок проходит через горло с трудом, застревает комом, и я запиваю кофе, горячим, обжигающим, который хоть немного возвращает меня к жизни.

Круассаны свежие, воздушные, тают во рту, фрукты спелые, сладкие, йогурт густой, с натуральными ягодами – еда как в пятизвёздочном отеле, еда как для любимой дочери, еда как для принцессы.

Только я не принцесса.

Я пленница.

И вся эта роскошь – просто способ показать мне контраст: смотри, как хорошо тебе будет если будешь слушаться, и как плохо если нет.

Кнут и пряник.

Классика дрессировки.

Доедаю, допиваю кофе, встаю, подхожу к зеркалу, смотрю на себя критически: лицо всё ещё бледное, но уже не такое мертвенное, глаза чуть живее, спина прямая.

Надо держаться.

Не показывать слабость.

Не давать ему видеть меня сломленной.

Это единственное оружие которое у меня есть – гордость,

достоинство, внутренний стержень, который он не может отнять силой.

Глубокий вдох.

Выдох.

Фатима открывает дверь.

— Тебя ждут.

— Где он? – спрашиваю я, не уточняя кто «он», потому что мы обе знаем.

– В спортзале, – кивает Фатима куда-то в сторону. – Подвал. Тренируется. Каждое утро два часа. Режим.

– А потом?

– Потом ты его увидишь, – усмехается она. – Он велел тебе спуститься к нему после завтрака.

Холод пробегает по спине.

– А если я не спущусь?

Фатима смотрит на меня долго, оценивающе:

– Тогда он поднимется сам. И поверь, девочка, лучше спуститься самой.

Доедаю в тишине, допиваю кофе, встаю.

– Где этот спортзал? – спрашиваю, и голос звучит ровнее чем я ожидала.

– Вниз по той лестнице, – Фатима кивает на дверь в конце кухни. – Прямо и налево. Не ошибёшься – услышишь.

Иду к двери, открываю – за ней узкая лестница вниз, в подвал, и я спускаюсь, и с каждой ступенькой становится всё громче – удары, тяжёлые, ритмичные, мясо об мясо, и муж-

ское дыхание, глубокое, контролируемое.

Поворачиваю налево, открываю дверь.

И замираю.

Передо мной – огромный спортзал: боксёрские мешки, грузовые тренажёры, скамьи, стойки, зеркала во всю стену, а посреди всего этого – Рустам.

Он бьёт по мешку – без перчаток, голыми кулаками, и каждый удар такой силы что мешок раскачивается, цепи звенят, и я вижу его спину – широкую, мускулистую, покрытую шрамами и татуировками, мокрую от пота, вижу как перекачиваются мышцы под кожей с каждым ударом, как работает всё тело – ноги, корпус, плечи, руки, – мощная, отточенная, смертоносная машина.

Он в спортивных штанах и ничего больше, волосы мокрые, прилипли ко лбу, дышит ровно, несмотря на интенсивность, и я понимаю что он в идеальной форме, что это тело создано для боя, для убийства, для того чтобы ломать других людей пополам.

Останавливается, поворачивается, и я вижу его грудь – рельефную, со шрамом через левую сторону, с татуировкой волка на правой стороне груди, – вижу как пот стекает по прессу, исчезает под поясом штанов, и я против воли замечаю что он красивый, чертовски красивый, хотя красота эта хищная, опасная, та что притягивает и убивает одновременно.

– Выспалась? – спрашивает он, хватая полотенце, выти-

рая лицо, и голос его спокоен, буднично, словно мы старые знакомые.

– Да, – хрипло отвечаю я.

– Хорошо, – кивает он, подходит к скамье, берёт бутылку воды, пьёт большими глотками, и я смотрю как движется его кадык, как течёт вода по подбородку на грудь, и отвожу взгляд, злясь на себя за то что смотрела. – Пойдём. Нам нужно поговорить.

Он идёт к выходу, и я иду следом, пытаюсь не смотреть на его спину, на шрамы, которые как карта его жизни.

Поднимаемся наверх, он ведёт меня в кабинет – тот самый, который я видела утром, – закрывает дверь, проходит к столу, садится в кресло, откидывается назад.

– Садись, – кивает на стул напротив.

Сажусь, спина прямая, руки на коленях, смотрю на него в упор, не давая ему видеть страх.

Он изучает меня долго, молча, и взгляд его скользит по лицу, шее, груди, бёдрам, и я чувствую себя голой под этим взглядом, хотя одета полностью.

– Ты красивая, – наконец говорит он, и это не комплимент, это констатация факта, как будто он оценивает товар. – Породистая. Образованная. Из хорошей семьи. Идеально подходишь.

– Для чего? – выдавливаю я сквозь зубы.

– Для брака, – просто отвечает он, и я замираю, не веря что правильно расслышала.

– Что?

– Ты выйдешь за меня замуж, – повторяет Рустам спокойно, словно обсуждаем погоду. – Официально. Роспись в ЗАГСе, свидетельство, всё как положено.

– Вы сошли с ума, – шепчу я, и голос дрожит. – Я никогда...

– Выйдешь, – обрывает он. – Потому что у тебя нет выбора. И потому что это тебе выгодно.

– ВЫГОДНО?! – взрываюсь я. – Какого чёрта мне выгодно выходить замуж за похитителя?!

– Потому что иначе ты останешься здесь как пленница, – терпеливо объясняет он. – Без прав, без статуса, без будущего. А как моя жена ты получишь свободу передвижения, деньги на счёт, возможность доучиться. – Пауза. – Фиктивный брак, Анастасия. Просто бумага.

– Зачем вам это? – не понимаю я. – У вас миллиарды. Зачем вам фиктивная жена?

Он усмехается:

– Затем, что мне нужно легализовать часть активов. Совместный бизнес с супругой – идеальная схема для отмывания денег. Плюс ты русская, из приличной семьи, образованная. Ты – идеальное прикрытие. – Наклоняется вперёд. – И ты не из моего мира. Глупая. Мне такая и нужна.

Я смотрю на него, пытаюсь понять врёт он или говорит правду, но лицо его непроницаемо, как маска. На то что глупой назвал плевать. Нужно быть достаточно умной, чтоб те-

бя считали глупой.

– А что я получу? – медленно спрашиваю я.

– Свободу относительную, – перечисляет он. – Будешь выходить из дома под охраной. Сможешь доучиться заочно не знаю на психолога например. Деньги на счёт – пятьсот тысяч рублей в месяц на личные расходы. Документы не заблокированы. – Пауза. – И я не буду трогать твоих подруг и родственников. Если будешь слушаться.

– А если не соглашусь?

Он откидывается в кресле, смотрит холодно:

– Останешься здесь пленницей. Без прав. Без денег. Без будущего. И рано или поздно сломаешься. – Усмехается. – Все ломаются. Просто вопрос времени.

– Вы мерзавец, – шиплю я.

– Да, – соглашается он без тени смущения. – Но мерзавец, который предлагает тебе сделку. Ты можешь быть пленницей в клетке. Или женой с привилегиями. Выбор за тобой.

Я молчу, перевариваю информацию, и мозг лихорадочно пытается найти выход, просчитать варианты.

Если соглашусь – получу больше свободы. Смогу выходить. Может быть сбежать.

Если откажусь – останусь здесь навсегда.

– Сколько времени? – спрашиваю я. – На сколько этот брак?

– Год минимум, – отвечает Рустам. – Потом разведёмся. Ты получишь отступные – квартиру в Москве и пять милли-

онов рублей. Сможешь начать новую жизнь.

– И вы меня просто отпустите? – не верю я. – После года?

– Отпущу, – кивает он. – Если выполнишь условия. Будешь вести себя как примерная жена на публике. Не попытаешься сбежать. Не будешь мне мешать.

– А в остальном? – задаю вопрос который жжёт язык. – Что вы... ожидаете?

Он смотрит на меня долго, и взгляд его темнеет, становится хищным:

– В постели? – усмехается. – Ничего. Пока ты сама не захочешь.

– Я никогда не захочу, – отрезаю я.

– Никогда – это долго, азиз, – произносит он тихо, вставая и обходя стол, останавливаясь прямо передо мной, нависая, и я чувствую запах его пота, одеколona, мужского тела, и что-то внутри меня сжимается, и это не страх, это что-то другое, что-то неправильное. – Год – это триста шестьдесят пять дней. Много может измениться.

Наклоняется ближе, так что я чувствую его дыхание на своей коже:

– Ты красивая. Я хочу тебя. Не буду врать. – Голос низкий, хриплый. – Но я не насильник. Не возьму силой. – Выпрямляется. – Но ты придёшь сама. Рано или поздно. Все приходят.

– Вы так уверены в себе, – шепчу я, и голос дрожит.

– Я знаю женщин, – пожимает плечами. – Знаю что они

хотят. Силу. Власть. Уверенность. – Усмехается. – У меня всё это есть.

Разворачивается, идёт к окну, стоит спиной ко мне.

– Подумай до вечера, – бросает через плечо. – Дашь ответ за ужином. Восемь вечера. Не опаздывай.

– А если я откажусь?

Оборачивается, смотрит:

– Тогда останешься пленницей. И больше мы эту тему не обсудим. – Пауза тяжёлая. – Выбирай мудро, Анастасия.

Я встаю на трясущихся ногах, иду к двери, и рука уже на ручке, когда он говорит:

– И ещё. Не заходи в восточное крыло первого этажа. Там личная территория. Закрыто для тебя.

– Почему? – оборачиваюсь я.

– Потому что я так сказал, – холодно отвечает он. – Запомни правило: ты можешь ходить везде кроме моей спальни и восточного крыла. Нарушишь – пожалеешь.

Выхожу из кабинета, закрываю дверь, прислоняюсь к ней спиной, и всё тело трясётся.

Брак. Он хочет чтобы я вышла за него замуж. Фиктивно. Для отмывания денег. А что если это ловушка? Что если после брака он получит полную власть надо мной юридически? Или... это действительно шанс? Год терпеть. Играть роль. А потом свобода и деньги.

Если он не врёт. Но почему он мне верит что я не сбегу? Наверное потому что знает: у меня нет никого. Папа мёртв.

Мама мертва. Подруги забудут меня через месяц. Тётя в Туле – старая и больная.

Мне некуда бежать. Некого звать на помощь. Я одна.

Иду по коридору, поднимаюсь в свою комнату, захожу, закрываю дверь. Сажусь на кровать, обхватываю голову руками. Думаю. Взвешиваю. И тут слышу – тихий звук, приглушённый, но явный.

Детский плач. Откуда-то снизу. Из восточного крыла?

Замираю, прислушиваюсь. Плач стихает, слышится женский голос – успокаивающий, тихий, – потом снова тишина.

Ребёнок.

В доме есть ребёнок.

В восточном крыле, куда мне запрещено. Почему он скрывает это от меня?

Чей это ребёнок?

Его?

Вопросы роятся в голове, но ответов нет. Встаю, подхожу к окну, смотрю на сад, забор, на мир за пределами этой клетки.

Год.

Триста шестьдесят пять дней.

Потом свобода. Если он не врёт. Если я выдержу. Если не сломаюсь. Глубокий вдох. Выдох.

К вечеру я дам ответ.

А пока...

Пока я узнаю чей этот детский плач в восточном крыле.

И почему он так боится чтобы я туда заходила.

Она не отказала... Так и сказала "Нет"... Что ж. На ее нет будет моих тысяча "ДА"! Не хочет быть женой добровольно и фиктивно? Станет по принуждению и по настоящему!

Есть момент когда монстр внутри тебя перестаёт просить разрешения выйти наружу – он просто выламывает рёбра грудной клетки изнутри, разрывает лёгкие, выжигает остатки того что когда-то называлось совестью, и вырывается на свободу с рёвом, который слышен только тебе, и ты знаешь что надо бы остановиться, что есть черта за которой ты уже не человек, а тварь, но блядь, ты уже давно не человек, это просто иллюзия которую ты поддерживаешь для приличия, а сейчас, в три часа ночи, когда руки ещё липкие от чужой крови, а в венах бурлит коктейль из адреналина, виски и первобытной ярости – нахуй приличия, нахуй иллюзии, сейчас будет правда.

Стою под её дверью и знаю что не должен заходить. Не сейчас. Не в таком состоянии. Но рука уже поворачивает ручку – медленно, чтобы не разбудить раньше времени, – и дверь открывается беззвучно, и я захожу в её комнату как вор, как хищник, как ёбанный Аид, пришедший забрать Персефону в свой подземный мир без права на возвращение.

Она спит на большой кровати, под шёлковым одеялом, светлые волосы рассыпаны по подушке как нимб вокруг головы ангела, и лицо спокойное, расслабленное, ресницы

длинные отбрасывают тени на бледные щёки, и губы приоткрыты, и она дышит ровно, глубоко, доверчиво, как ребёнок который не знает что в мире есть чудовища. А я – чудовище. Со стороны посмотреть – обычный мужик: два метра роста, широкие плечи, дорогой костюм (правда, весь в крови сейчас), красивое лицо со шрамом который делает меня brutальнее, а не уродливее. Но внутри – пустота. Холодная, абсолютная, тотальная пустота, где раньше была душа, но её выжгли войной, нищетой, первым убийством в шестнадцать лет, когда я смотрел как из человека вытекает жизнь вместе с кровью, и чувствовал не ужас, а облегчение, потому что это означало что я сильнее, что я выжил, что я – хищник, а не жертва.

С тех пор я только и делаю что доказываю миру и себе: я хищник, я на вершине пищевой цепочки, я – закон в своём криминальном королевстве. А она – добыча. Красивая, породистая, беззащитная добыча, которую я поймал в свои сети и теперь могу делать с ней что захочу, и никто, ни один ёбаный человек на этой планете не остановит меня, потому что у меня власть, деньги, люди, и я – бог в своём маленьком аду.

Подхожу к кровати тихо, хотя мог бы грохотать как слон – она не проснётся, сон глубокий, организм отключился от стресса, защитная реакция, видел такое сто раз у людей после травм. Сажусь на край кровати, матрас проседает под моим весом, и она шевелится, поворачивает голову, но не про-

сыпается. Смотрю на неё долго, изучаю, пытаюсь понять что это – желание? одержимость? месть её мёртвому папаше, который осмелился не вернуть мой долг? Хуй знает. Знаю только что хочу её так, что член встал ещё внизу, когда я мыл кровь с рук и думал о том, что она спит наверху в моём доме, в моей постели (ну, в гостевой, но это теперь тоже моё, потому что она моя), и никто не защитит её, и я могу взять что захочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.